

Куликова Элла Германовна

ИМПЛИЦИТНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: ФОРМИРОВАНИЕ ПОДТЕКСТА

Статья посвящена имплицитности как кардинальному свойству языка, при котором содержание художественного произведения бывает объемнее, чем образующие его единицы выражения. При совпадении фоновых знаний адресанта и адресата происходит декодирование имплицитной информации, заложенной в тексте. Основное внимание автором уделяется рассмотрению архаических единиц в качестве средств, используемых при формировании подтекста.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/5-2/33.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 5(59): в 3-х ч. Ч. 2. С. 114-117. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

В нижнеколымском говоре следует выделить умеренный суффикс *-пчири*, вариативный ряд данного аффикса *-мчири* был ранее отмечен в ламунхинском говоре эвенов: *хулан'апчири* «красноватый (с красным оттенком)» от *хулан'а* «красный», *хинган'апчири* «желтоватый» от *хинган'а* «желтый» и др.

Активно используются в говоре такие уменьшительно-ласкательные формы качественных прилагательных, как *-какан/-кэкэн*, *-ккан*, *-чакан/-чэкэн*: *н'обатикакан* «беленький», *кэтлукэкэн* «малюсенький», *нөстэчэкэн* «молоденький» и др.

Примеры: *Би гадау тарав болла кэтлукэкэн бичэ.* – «Мой близнец маленьким был»; *Ноюн боллар ором өньэчэ гилталдичакан.* – «Он оленя привязал беленького»; *Амму букатын нөстэчэкэн хуркэн болла тараком.* – «Отец (мой) совсем молоденьким пареньком был тогда» и др.

Таким образом, следует отметить, что относительные и качественные прилагательные в нижнеколымском говоре эвенского языка, в основном, образуются от глагольных основ, а также от существительных и наречий посредством различных суффиксов, некоторые из которых имеют локальный характер. В образовании форм интенсификации и умеренности участвуют различные суффиксы и слова-интенсификаторы. В роли интенсификаторов выступают не только эвенские лексемы, но и слова, заимствованные из якутского языка. Также интенсификация образуется путем редупликации, что является характерным для эвенских говоров Якутии.

Список литературы

1. **Болдырев Б. В.** Морфология эвенкийского языка. Новосибирск: Наука, 2007. 932 с.
2. **Иванов С. А.** Грамматика современного якутского литературного языка. М.: Наука, 1982. С. 158-160.
3. **Кузьмина Р. П.** Образование отглагольных дериватов в эвенском языке (на примере нижнеколымского говора эвенов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (50). Ч. 3. С. 111-114.
4. **Кузьмина Р. П.** Усилительные формы прилагательных в эвенском языке (на материале эвенских говоров Якутии) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (24). Ч. 1. С. 108-110.
5. **Лебедев В. Д.** Охотский диалект эвенского языка. Л.: Наука, 1982. 241 с.
6. **Новикова К. А.** Очерки диалектов эвенского языка. Л.: Наука, 1980. 241 с.
7. **Цинциус В. И.** Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Л.: Наука, 1947. 270 с.

SOME PECULIARITIES OF ADJECTIVES DERIVATION IN THE LOWER-KOLYMA DIALECT OF THE EVEN LANGUAGE

Kuz'mina Raisa Petrovna, Ph. D. in Philology
*Institute of the Humanities and the Indigenous Peoples of the North
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
raisakuzmina2013@yandex.ru*

In the article the attempt to describe the derivation of adjectives in the Lower-Kolyma dialect of the Even language is made. The areal characteristic of the affixes involved in the process of formation of adjectives categories, degrees of comparison, and the degree of quality is presented. Many affixes and forms have a narrow local character and function only in this dialect. The formation of adjectives in the language of Evens of the Lower Kolyma has not been studied in scientific literature before.

Key words and phrases: intensive; superlative; Lower-Kolyma dialect; substantivization; the Even language; moderative; adjectivization; adverbialization.

УДК 800.732:82-1:882

Статья посвящена имплицитности как кардинальному свойству языка, при котором содержание художественного произведения бывает объемнее, чем образующие его единицы выражения. При совпадении фоновых знаний адресанта и адресата происходит декодирование имплицитной информации, заложенной в тексте. Основное внимание автором уделяется рассмотрению архаических единиц в качестве средств, используемых при формировании подтекста.

Ключевые слова и фразы: интертекстуальность; имплицитность; фоновые знания; архаизмы; пресуппозиции; подтекст.

Куликова Элла Германовна, д. филол. н., профессор
*Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
kulikova_ella21@mail.ru*

ИМПЛИЦИТНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: ФОРМИРОВАНИЕ ПОДТЕКСТА

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 16-04-00037.

Современная лингвистика исследует различные проявления имплицитности, при этом проявления имплицитности встречаются на различных уровнях языка – это и лексика, и фразеология, и морфология. Чтобы декодировать имплицитную информацию, заложенную в архаических средствах языка, актуальным является учение о пресуппозициях.

При исследовании пресуппозиций сразу возникает вопрос о так называемых фоновых знаниях участников коммуникативного процесса, иными словами, с помощью «ситуативного фона» создаются условия, которые можно назвать «предварительным договором», и обеспечивается соответствующее коммуникации понимание.

К пресуппозиции относится все, что не входит в пределы сообщения, но при этом пресуппозиция связана соответствующим образом с сообщением, и благодаря ей осуществляется полное и правильное понимание сообщения. Такой подход способствует не только порождению правильного высказывания, но и позволяет определить, какие пресуппозиции нужно учитывать при уместном или неуместном отражении пресуппозиции в поверхностной структуре.

В общем виде имплицитность не может быть отделена от важнейшего свойства языка, которое состоит в следующем: план выражения часто оказывается гораздо уже плана содержания. В том числе и в этом свойстве проявляется «асимметрический дуализм языкового знака».

Н. Г. Скляровой [14, с. 82-83] имплицитность понимается в качестве заложенного непосредственно в языке имманентного свойства, проявляющегося в том, что единицы языка имеют способность подразумевать дополнительную информацию в выражаемом значении. Имплицитное содержание может логично пониматься как сама невербализованная информация, которую продуцент речи желает сообщить. Ср. в романе А. Иванова «Географ глобус пропил»: ...*Служкин спросил у уборщицы имя-отчество директора, отыскал директорские покои на втором этаже, постучался и вошел* [8, с. 5].

Покоями называлось жилое помещение барского дома. При помощи употребления этого архаичного для современного языка слова автором романа задается ироническая модальность, которая и будет преобладающей в повествовании. Несмотря на то, что в этом предложении можно отметить несоответствие денотатов, слово *покои* оказывается остроумным, емким и точным. С его помощью передается множество смыслов – с одной стороны, смыслы, проистекающие из того, как буквально понимается внутренняя форма, а с другой стороны, смыслы, базирующиеся на фоновых знаниях автора произведения и читателя.

Нередко имплицитность оценивается в языке в качестве проявления важнейшего принципа экономной репрезентации внеязыкового значения [3], экономии мыслительных и языковых усилий. С точки зрения современной науки о языке основное направление языкового развития заключается в том, что язык за единицу времени стремится передать информацию в большем объеме, чего можно достичь или компрессией (то есть с помощью уменьшения количества значимых единиц в большой единице), или суперсегментацией, которая на уровне содержания представлена пресуппозициями.

В каждом тексте, по меньшей мере, присутствуют три смысла:

1) авторский замысел, под которым подразумевается смысл, вложенный самим автором текста в процессе реализации первичного семиозиса, то есть в процессе акта номинации; 2) инвариантный смысл – это смысл, который «предписывает» тексту язык и который создается языковыми единицами, составляющими текст; 3) перцептивный смысл – это смысл, который вкладывает в текст сам реципиент. Отношения между смыслами текстов в процессе коммуникации можно определить как антиномию, даже противоречие коммуникации: коммуникация, с одной стороны, не может осуществляться без собственного тексту инвариантного смысла, который коммуниканты восстанавливают на основе общих собственно лингвистических, а также экстралингвистических знаний. В то же время в процессе рецепции инвариантные смыслы если полностью не теряются, то уходят на второй план, их вытесняют смыслы индивидуальные [16, с. 12].

Декодирование имплицитных, скрытых смыслов обуславливается тем, что фоновые знания адресата и адресанта совпадают, а также совпадают сведения о языковой системе [5; 7].

Роль языковой единицы в создании подтекста произведения определяется при исследовании таких понятий, как прецедентность и интертекстуальность.

Самой своей внутренней формой термин «подтекст» соотносим не с высказыванием, а с текстом. Традиционно исследователи определяют его как базовую единицу непосредственно текста [1; 2], даже как особую текстовую категорию. Тем не менее является очевидным, что нельзя достичь полного понимания подтекста: возможно только приближение к пониманию смысла его, поскольку смысл не является данностью, «имеющейся у текста», которая находится в ожидании, когда же ее извлекут, наоборот, смысл всегда создается в процессе чтения текста и интерпретации [10, с. 147-148].

Подтекст сопоставляется с имплицитностью, так как соотносим со скрытым смыслом, который не выражен словами, но тем не менее существует (подобно тому, как подводное течение невидимо, но существует) [6]. К примеру, в данном фрагменте из романа А. Иванова «Географ глобус пропил» имплицитная информация легко извлекается с опорой на фоновые знания, знания библеизмов: ...*никак не реагировал на то, что процесс разделения пассажиров на агнцев и козлищ скоро зацепит и его* [8, с. 4]. Для сравнения другой пример: *Главное, чтоб в решение этой задачи были вовлечены все граждане страны, включая находящиеся у кормила (и пошла)* (З. Прилепин «Публицист и Ко. Дмитрий Быков. Календарь») [12, с. 16].

Кормилом называют 'руль судна или кормовое весло, с помощью которого происходит управление ходом лодки, судна'. Ср. пример из Словаря Д. Н. Ушакова: *мачту поставил... сделал кормило, дабы управлять поворотами судна* [15, с. 468]. Архаическая лексическая единица используется автором в составе фразеологической единицы: *у кормила власти, у кормила правления*, в значении 'во главе, у власти'.

При сближении слова «кормило» с глаголом «кормить» автором используется метод «наивной этимологии», и таким образом имплицитно выражена дерзость по отношению к власти.

В «Собеседнике» (2013, № 27) была опубликована статья Константина Баканова «Базарные дни», в которой автор пишет о витебском фестивале «Славянский базар» следующее: *От Аллы Пугачевой уже давно пора построить генеалогическое древо. Последним на сегодня звеном в этом древе стал бы ее рок-н-рольный внук Никита Пресняков... <...> ...Президентский оркестр Белоруссии отжег на второстепенной площадке мировую рок-классику в симфонической обработке. Зал стоял на ушах! Но это событие прошло, увя. Незамеченным. Неудивительно: там из древа ну совсем никого не было* [цит по: 9, с. 271].

Даже незначительные части речи могут приобретать в тексте имплицитные, скрытые смыслы. Захар Прилепин в статье «Действительно не понимаю» использует частицы «де» и «с»: *Вот-де – писали они каждый на свой лад, – живет себе писатель, имеет две машины, личного водителя и дачу строит, а сам при этом про какую-то революцию рассуждает. Нехорошо-с* [11].

В эссе «Снять черную ржавчинку, вскрыть белую грудочку...» Захар Прилепин также использует этот прием: *Тут, кстати, переметнулся к Разину весьма характерный тип – приемный боярский сын Лазунка Жидовин, ну, если хотите, жид Лазарь. Так и остался он с атаманом и был вполне в чести. Любопытно-с* [13].

Дмитрий Быков в стихотворении «Петля Суркова», опубликованном в «Собеседнике», использует частицу «с»:

*Возвратился. Докричался. Убедил.
Начинается привычный образ жизни-с...
Говорили же, когда он уходил,
Что теперь ему – в культуру или бизнес* [4, с. 1].

Известно, что частицу «с» раньше употребляли, чтобы придать речи учтивость, почтительность, даже подобострастие. Это нашло яркое отражение в русской классической литературе. Сегодня употребление частицы «с», которая по происхождению является остаточным элементом почтительного обращения *сударь, сударыня*, – выразительное средство для создания иронической модальности. С помощью иронии автор передает отношение к объекту речи, ирония – мощное средство, создающее коннотацию высказывания. Для создания узуальной (типизированной) и окказиональной имплицитности в тексте могут использоваться архаизмы. Как лексические, так и грамматические архаизмы могут эксплицировать имплицитную информацию, служить средством формирования подтекста. Различные пресуппозиции, которые определяют актуальный смысл единиц речи в процессе коммуникации, частично сохраняя их первичную языковую семантику, компоненты конвенционального значения слов, а также синтаксических конструкций, составляют прагматическую основу имплицитного содержания. Способность сочетаться с другими знаками – развитие вторичного означивания в процессе расчленения знака, гибкость языкового знака и широкая смысловая валентность позволяют проецировать на него различное содержание на речевом уровне.

Список литературы

1. Брусенская Л. А. В чем состоит экологический подход к языку? // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2012. № 3. С. 149-156.
2. Брусенская Л. А. Заимствование «чужих» культурных идеалов в современной России // Философия права. 2012. № 3 (52). С. 49-53.
3. Брусенская Л. А. Лингвоюридические аспекты современной коммуникации // Правовая политика и правовая жизнь. 2011. № 5 (48). С. 111-115.
4. Быков Д. Петля // Собеседник. 2013. № 36.
5. Григорьева Н. О. Система конструкций с полифункциональным служебным словом «чтобы» // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2. Филология и искусствоведение. 2013. № 4. С. 26-29.
6. Григорьева Н. О., Марченко Л. В. К вопросу о типологии синтаксических конструкций: функциональный аспект // Предложение и слово: II Международная научная конференция: межвузовский сборник научных трудов / под общей редакцией Э. П. Кадыкаловой. Саратов: Изд-во Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, 2002. С. 200-204.
7. Григорьева Н. О., Норлусеня В. С. Иноязычные вкрапления в современном художественном тексте: коммуникативно-прагматический потенциал // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2014. № 3. С. 75-82.
8. Иванов А. В. Географ глобус пропил. М.: АСТ, 2013. 443 с.
9. Коростелева Т. В. Невербализованная информация: архаизмы как имплицитные средства создания подтекста // *European Social Science Journal*. 2014. № 12 (51). С. 269-272.
10. Лучинская Е. Н. Постмодернистский дискурс: семиологический и лингвокультурологический аспекты интерпретации: монография. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2002. 197 с.
11. Прилепин З. Действительно не понимаю [Электронный ресурс]. URL: <http://maxpark.com/community/129/content/2006173> (дата обращения: 28.02.2016).
12. Прилепин З. Книжечет: пособие по новейшей литературе с лирическими и саркастическими отступлениями. М.: Астрель, 2012. 444 с.
13. Прилепин З. Снять черную ржавчинку, вскрыть белую грудочку... [Электронный ресурс]. URL: http://www.intelros.ru/2007/12/24/snjat_chnuju_rzhavchinku_vskryt_beluju_grudochku.html (дата обращения: 28.02.2016).
14. Склярва Н. Г. Проблема имплицитности в информативно-коммуникативном аспекте // Язык. Дискурс. Текст: II Международная конференция, посвященная юбилею профессора Г. Ф. Гавриловой: труды и материалы. Ростов-на-Дону: Изд-во РГПУ, 2005. Ч. II. С. 82-85.
15. Толковый словарь русского языка / под редакцией Д. Н. Ушакова. М.: Астрель; Аст, 2000. 848 с.
16. Чурилина Л. Н. Антропоцентричность художественного текста как принцип организации его лексической структуры: автореф. дисс. ... д. филол. н. СПб., 2003. 39 с.

IMPLICIT LANGUAGE MEANS IN A LITERARY TEXT: THE FORMATION OF A SUBTEXT

Kulikova Ella Germanovna, Doctor in Philology, Professor
Rostov State University of Economics
kulikova_ella21@mail.ru

The article is devoted to the implicitness as a fundamental language feature, at which the content of a literary work is more volume than items of expression forming it. At the coincidence of background knowledge of an addresser and addressee the decoding of implicit information, inherent in the text, takes place. Special attention is paid to the examination of archaic items as means used while creating the subtext.

Key words and phrases: intertextuality; implicitness; background knowledge; archaisms; presuppositions; subtext.

УДК 81.373+811.161.1+811.58

В статье рассматривается образная семантика русских и китайских фразеологизмов со значением «внешность человека». Цель исследования – выявить и сопоставить концептуальные метафоры, лежащие в основе фразеологизмов одной семантической группы. Доказано сходство русского и китайского языков в использовании зооморфных, фитоморфных, соматических концептуальных метафор. Показано различие в выборе конкретных коррелятов метафоры, обусловленном национальными традициями и культурными ценностями двух этносов.

Ключевые слова и фразы: семантика; метафора; метафорическая модель; фразеология; национально-культурное значение.

Михайлова Ольга Алексеевна, д. филол. н., профессор

Ли Вэньлу

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
oatih@yandex.ru; 564531768@qq.com

**МЕТАФОРА В РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ
СО ЗНАЧЕНИЕМ «ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА»**

Метафора всегда привлекала исследователей своей неоднозначностью: ее определяют как языковой и ментальный феномен, как отклонение от нормы и «вездесущий принцип языка», как стилистический прием, украшающий речь, и важнейший мыслительный механизм [10].

В современной когнитивной лингвистике метафорическому мышлению отводится не менее значимая роль, чем мышлению рациональному: «Человек не только выражает свои мысли при помощи метафор, но и мыслит метафорами, создает при помощи метафор тот мир, в котором он живет» [15, с. 7]. Обращаясь к какому-то новому, сложному, не до конца понятному объекту, человек использует для его осмысления элементы иной, более знакомой и понятной сферы, осуществляет метафорическую проекцию из одной понятийной сферы (сферы-источника) в другую понятийную сферу (сферу-мишень). Связь между сопоставляемыми / уподобляемыми понятийными сферами в сознании носителей языка существует в виде метафорических моделей, представляющих своего рода схемы, по которым человек мыслит и действует. «Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [5, с. 25].

Метафоры выступают инструментом передачи содержания признакового характера. «Метафора, как универсальный способ языковой номинации, основана на образной аналогии, обозначающей перенос наименования с одного предмета на другой на основании интуитивного ощущения сходства между предметами» [4, с. 88]. Так, желая дать образную оценку человеку – его внешности, поведению, характеру и т.д., – говорящий нередко прибегает к метафорическим образам, чтобы сформировать у адресата необходимое говорящему эмоциональное состояние и мировосприятие.

Известно, что создаваемая человеком картина мира изначально антропоцентрична, и метафора участвует в реализации представления о человеке как о центре мира. Механизмы метафоризации лежат в основе большинства фразеологизмов (далее – ФЕ), которые представляют собой своеобразные микромиры, содержащие в себе «и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые завещали предки в руководство потомкам» [3, с. 37]. Во внутренней форме большинства ФЕ содержатся такие смыслы, которые придают им национально-культурный колорит. Ярким проявлением ментальности народа являются фразеологизмы, характеризующие внешность человека. Благодаря метафоре внешний облик человека эмоционально оценивается и характеризуется через сравнение с какими-либо предметами, имеющими нередко символический смысл. В разных культурах объекты – эталоны сравнения – существенно различаются, поскольку ФЕ возникают в национальных языках на основе такого «образного представления действительности, которое отображает обиходно-эмпирический, исторический или духовный опыт языкового коллектива, который безусловно связан с его культурными традициями» [11, с. 214].

Цель нашего исследования – выявить и сопоставить концептуальные метафоры, лежащие в основе ФЕ с общим значением «внешний облик человека», в русском и китайском языках. Вслед за В. Н. Телия мы